

Доклад на Общеинститутском семинаре Института философии РАН

14 декабря 2017 г.

Александр Рубцов

ИЛЛЮЗИИ ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ

К концепции «диффузной» и «проникающей» идеологии

(Продолжение)

6. В этой связи отдельный интерес представляет соотношение философии и идеологии, активно обсуждавшееся в докладах Э. Соловьева и В. Межуева.

В топологическом смысле эти сферы сознания близки уже тем, что, как справедливо утверждает В. Межуев, одинаково «работают с идеями». Более того, сплошь и рядом они работают «с одними и теми же» идеями. Но, на мой взгляд, особенно в нашей ситуации, гораздо важнее подчеркивать, что философия и идеология представляют собой одновременно и нечто прямо противоположное друг другу (если не сказать враждебное). Иногда кажется, что принадлежность того или иного контента к философии или идеологии можно определить по «качеству продукта». Однако часто эти идеи сами по себе друг от друга вовсе не отличаются и скорее похожи на один и тот же кусок мяса, который кладут либо в духовку, либо в морозилку. В данном различии между философией и идеологией важнее не контент, а интенция.

Идеология генерирует «очевидности». Её функция – делать из неочевидного или просто ложного нечто безусловно очевидное – самоочевидное. Она ставит человека в позицию «верую!» – создает светские религии и плодит толпы адептов.

Философия начинается именно с критики очевидности, с того, что «и так ясно», а потому не промысливается. Её интеллектуальная функция – делать из очевидного и самоочевидного нечто, как минимум, безусловно неочевидное (иногда и просто ложное). Она ставит человека в позицию «не верю!» – разрушает светские религии и превращает толпы адептов в людей, способных мыслить критически и рефлексивно, ничего не принимая «на веру».

Я надеюсь, что именно или примерно это имел в виду Эрих Юрьевич, когда говорил о необходимости рациональной критики и логического анализа идеологических концептов, о философской «экспертизе». Здесь можно лишь дополнительно акцентировать дидактическую функцию – формирование самой способности критического суждения. Подобно этому история как строгая наука учит не только датам, событиям и процессам, но и самим принципам критики источников (внутренней и внешней), так необходимой человеку, на которого обрушиваются потоки злостной дезинформации. Иначе это можно назвать «культурой недоверчивости» – информационной и идеологической.

Однако в концепции такого рода рефлексивной критики я бы сделал некоторые уточнения.

Имеет смысл более четко разграничить идеологию и пропаганду. В свете вышесказанного пропаганда это «операционализируемая идеология», но не вполне самостоятельная, а руководимая вышестоящими инстанциями идеологического контроля, официальными или теневыми. Мы не можем с формальной достоверностью указать на инстанцию, идейно окормляющую все эти информационные каналы и ток-шоу, о которых пишет Эрих Юрьевич, но все прекрасно понимают, что это не просто идеологическая самодеятельность. Приходится думать о том, как можно экспертно работать с тем, что происходит «за кадром».

При всей необходимости рационально-критического, аналитического противостояния этически и логически бессовестной пропаганде, важно понимать, что стратегически смыслы и форматы контента вырабатываются не здесь, а «выше» (эффект «консерватории»). Эти контенты чаще существуют в режиме теневой и латентной идеологии и даже «идеологического бессознательного», но, тем не менее, и они то и дело прорываются на поверхность в более или менее эксплицитном и читаемом виде. Здесь их можно отлавливать и точно так же критически обрабатывать – начиная с официальных текстов «категории А» и заканчивая сочинениями лиц, неформально претендующих на статус идеологов и не способных держаться в тени в силу амбиций и графомании.

Отдельное направление – невербальные формы, например, «политика памятников», «исторических парков» или обращение с гражданскими инициативами. Это важно учитывать, чтобы не воевать с репродуктором, будто это и есть голова, причём именно думающая, а не просто говорящая.

Таким образом, философия в состоянии не просто критиковать такого рода контенты «текст в текст», но и выявлять всю идеологическую структуру и иерархию, анализируя контексты и жизненные задачи, формирующие это сознание, и по-разному взаимодействуя с ним на разных уровнях.

7. Учитывая особенности нашей идеологической ситуации, можно набросать ряд тезисов, ориентированных на её оптимизацию – пусть без претензии на прямой выход, но по крайней мере в качестве нормативной модели и этического вызова.

1) От идеологической борьбы к идейной жизни.

Страна находится в состоянии холодной гражданской войны, в особенности в идейной сфере. Это крайне опасно: сначала раскалываются умы – потом начинают раскалывать головы. Такого рода противостояния искусственно поддерживаются – как и их сугубая враждебность. Де факто государственная граница втянута внутрь собственной территории, что позволяет создавать «зарубежные» идеологические резервации, в которые сгоняется идейный враг, действующий уже как бы из-за кордона. Одно из имён этого врага – либерализм, из просто бранного слова уже превращённый в обвинение в государственной измене в форме диверсионной деятельности. Вместе с тем именно и только последовательно либеральная идеология в качестве метаидеологии открывает возможность здоровой идейной конкуренции и нормальных человеческих отношений на мировоззренческом уровне.

2) От государственного распределения идеологии к свободному производству и рынку идей.

Система идеологического спецраспределителя отражает не только иерархическую модель социума, в котором идеология спускается сверху, от окормляющих окормляемым (то есть идейно руководимым). Эта система также отражает общую установку, в том числе экономическую, ориентированную не на производство, а на распределение и перераспределение. В этой системе люди не производят богатство нации, а лишь получают остаточную долю от верхушечного перераспределения доходов от сырьевых продаж. Институциональная среда в стране может быть только одна, и если она ориентирована на перераспределение доходов от экспорта, она автоматически губит собственное производство. Точно так же люди в таком социуме не производят сами идеи и представления, а окормляются ими сверху, от перераспределительного истеблишмента. Низовое, горизонтально организованное идеологическое творчество либо блокируется (например, категорией «иностранных агентов»), либо перехватывается (подобно идее «Бессмертного полка»). Но в последнее время все чаще наблюдаются неконтролируемые выходы провластной идеологической самодеятельности, не осаживаемые даже прямыми окриками сверху. В отсутствие необходимого баланса в виде гражданского общества и нормального рынка идей таким системам вообще свойственно идти вразнос. Только что не только низовая «патриотическая» инициатива, но и сама вертикаль благополучно проигнорировала почти прямые директивы президента и его пресс-секретаря относительно «мальчика из Уренгоя».

3) От стыдливых иносказаний к честной артикуляции.

Ряд идеологических позиций не может быть прямо артикулирован, например, в силу их крайней одиозности. Эти идеи доносятся до населения через разного рода иносказания, прежде всего через исторические оценки и нарративы (см. наш доклад для Вольного исторического общества и Комитета гражданских инициатив «Какое прошлое нужно будущему России»). История становится гигантской метафорой легитимации настоящего и проекта будущего – будь то реабилитация сталинизма или подвигов Грозного (который сейчас тоже не более чем псевдоним Сталина, позволяющий даже памятники ставить «иносказательно»). Если перефразировать Эриха Юрьевича Соловьева («Прошлое толкует нас»), получится, что мы сейчас сами толкуем себя через прошлое. Это происходит и по причине редуцированности языка политики, и в силу необходимости соблюдать остатки идеологических приличий, в том числе оговорённых Конституцией. Памятники Владимиру, Грозному и Сталину – это бессловесный гимн новой опрочнине, к тому же недвусмысленно намекающий на идею возможности искупления политикой любых грехов – даже тех, что не прощали ни церковь, ни сама династия. Выявление и реконструкция такого рода скрытых иносказаний – важная аналитическая задача, решение которой позволяет с большими и меньшими основаниями требовать прямой и честной артикуляции теневого и латентного идеологического установок.

4) От прямого и теневого идеологического контроля к институционализации идеологии в системе гражданского общества.

Идеологический контроль, прямой и косвенный, осуществляется не только непосредственным вмешательством в контент (включениями и изъятиями), но и разного рода поощрениями – организационными и финансовыми. Государство этим занимается вплотную и гораздо более активно, чем кажется на поверхности. Там, где такое вмешательство выглядело бы особенно вызывающим и некорректным, используются имитационные общественные, гражданские структуры, например, в виде разного рода карманных общественных советов. Идеология, таким образом, не столько национализируется государством, сколько приватизируется отдельными политическими и не только политическими группировками, преследующими узкогрупповые цели – в классическом режиме представления частного интереса как всеобщего. Деприватизация идеологического в пользу гражданского общества требует серьезной проработки как собственно содержательных, так и организационно-институциональных, правовых и пр. вопросов. То, что это дело не совсем безнадежное, показывает, в частности, опыт общественного сопротивления первоначальным версиям проекта «единого учебника истории».

5) От латентной идеологии самосохранения власти к ответственной и самокритичной артикуляции исторических вызовов и задач.

Политика «стабильности» в специально артикулированной идеологии особенно не нуждалась – хватало идеологического бессознательного, подогреваемого якобы кошмарным фоном «лихих девяностых». Перед местоблюстителем Медведева срочно понадобился «план Путина» (в том числе чтобы не было сомнений в реальной иерархии). Поскольку он готовился не столько как идеология, сколько как практически ориентированная стратегия (что тоже идеология, но особого рода), там были сформулированы реальные вызовы: издержки сырьевой экономики и ресурсного социума, неизбежность крушения сырьевой экономики, жизненная необходимость «снятия с иглы» и «смены вектора развития». Однако так и не начавшаяся толком модернизация в момент «рокировки» резко сменилась разворотом «назад и вверх» – к традиционным ценностям, духовным скрепам, непреходящим и «генетическим» культурным кодам, поискам вечной идентичности и пр. Сейчас, в начале нового электорального цикла, вновь видны попытки стратегических и идеологических выходов на тему будущего, однако они намного бледнее даже первого захода на тему модернизации. В них нет драматизма вызова цивилизации и здорового алармизма, нефтяная игла, оставшись в том же месте, более не беспокоит, а экскурсы в стремительно убегающее от нас будущее не выходят за рамки искусственного интеллекта и цифровизации отечественных калькуляторов с ручками. Все это понятно в стратегической установке на сохранение «статус кво», но безответственно в плане реальной перспективы. Это та самая проблема образов будущего, которая не может сводиться к ложному миссионерскому воодушевлению и «мобилизации стояния», но требует нелицеприятного анализа положения, перспектив и вариантов. Это и есть идеология, в её позитивной и конструктивной ипостаси – в движении от веры к знанию.